

Г. Берестнев

«Былое и думы» А. У. Терцена:
новые метафорические модели времени*

Пространство и время относятся к числу важнейших категорий, обеспечивающих дальнейшее осмысление человеком действительности. Как утверждал И. Кант, *пространство* есть форма априорного созерцания внешнего мира, а *время* — форма априорного внутреннего созерцания. «Вне нас, — писал он, — мы не можем созерцать время, точно так, как не можем созерцать пространство внутри нас»¹.

При этом пространство раскрывает себя человеку как нечто конкретное, доступное его непосредственному эмпирическому опыту, а время — как высшей степени абстракция. Именно поэтому, независимо от того, понимается ли пространство на основе ньютоновской модели, то есть как некая протяженность, первичная по отношению к наполняющим его материальным объектам, или модели Лейбница, согласно которой его формируют наполняющие его объекты, оно принимается человеком как познавательная основа для метонимического осмысления времени². Как пространство показывает себя в объектах, которые могут быть приняты в качестве единиц его измерения, так и время для человеческого сознания проявляет себя в событиях и может быть познавательно представлено и измерено ими. Например, нем. *Jahr*, англ. *year*, греч. φῶρς ‘год’, родственные рус. *яровой* (о злаках) ‘засеянный весной’, *ярь*, *ярина* ‘тук, сок, растительная сила почвы’ [Даль IV: 679], *Ярила* «бог весеннего плодородия» и др. показывают, что опорным при метонимическом осмыслении годового цикла и в дальнейшем времени в целом для носителей германских и греческого языков выступило представление о весеннем расцвете природы. Рус. *лето* ‘год’ метонимически закрепило мысль о годовом цикле и времени на основе представления о летнем изобилии (ср. с.-х. *лето* ‘плоды, изобилие, урожай’). Представляется, что в рус. *год* такой же основой для метонимического осмысления годового цикла и времени высту-

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ — грант №07-82-00130а «Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка».

пило представление об осеннем плодородии и урожае (ср.: словен. *god* ‘пора, зрелость, спелость’, болг. диал. *година* ‘плодородие’, макед. диал. *година* ‘теплое дождливое время’). Согласно К. Д. Баку, типологически-значимым основанием для номинаций *лета* (а затем и времени вообще) в разных индоевропейских языках могут выступать температурные признаки «жаркий», «печь, палить» или «хороший сезонный период, сухая погода» — ср.: греч. *θερος* ‘лето’ при исходном ‘летняя жара’ (здесь же *θερμος* ‘теплый’), лат. *aestās* ‘лето’ из *aestus* ‘жар, зной’ (также поэтич. ‘лето’), санскр. *nīdāgha-* ‘лето’ (также ведич. *nāidāgha-*) из *nī-dah-* ‘палить, сжигать’³.

Этот же принцип реализовался при осмыслении годового цикла и времени вообще в такой далекой от индоевропейской языковой ментальности, как китайская. В китайской графике знак ШИ «время», встречающийся в древних текстах, непосредственно представляется как произрастание семян, а знак НЯНЬ «год» первоначально представлял собой изображение человека, нагруженного хлебными колосьями⁴.

Однако время могло осмысляться посредством пространственной познавательной модели и метафорически — на основе отдельных признаков пространства. В связи с этим у времени определяются, например, такие характеристики, как линейная протяженность, динамика, ведущая к изменениям в состоянии предметной сферы, необратимость этих изменений, ориентированность в этой динамике на некоего наблюдателя и др.⁵. Эта модель реализовалась, в частности, в таких примерах, как греч. *χρόνος* ‘время’ семантически восходящее к значению ‘обширный’, лат. *tempus* ‘время’, восходящее к словам с семантикой протяженности и исходному корню **ten-d-*, откуда также *tendere* ‘тянуть, протягивать, вытягивать’, ирл. *trāth* ‘время, период’, соответствующее валлийскому *trawd* ‘курс, путешествие’ и др.⁶.

Рассматривая категорию времени более глубоко и с точки зрения ее познавательного освоения человеком, важно иметь в виду и ее особую динамичность, изменчивость. Уже в достаточно близкой исторической перспективе она показывает выразительное и разнообразное преобразование, что связано, скорее всего, с ее абстрактностью и познавательной сложностью. Например, в праславянском языке время мыслилось на основе образа вращения, что отражало общее представление о темпоральной цикличности (ср.: рус. *время* < прасл. **vert-men-*), а в современном русском языке оно мыслится как линейная протяженность, способная делиться на определенные отрезки; его характерной чертой видится движение, человек должен находиться в потоке времени, он может отставать от него, наверстывать его и т.д.; рус. *доба* ‘время, пора’ родственно лит. *dabà* ‘природа, свойство, характер’, латыш. *daba* ‘вид, способ, характер’;

польск. *czas* ‘время’, рус. *час* ‘время, времена, година, пора’ связаны с *чаять* ‘надеяться, уповать, ожидать, предполагать’. Вполне очевидны разные мотивирующие основания для когнитивного оформления категории времени даже в пределах одного языка.

Есть основания полагать, что подобные переосмысления времени более активно протекают в периоды серьезных изменений в культурном сознании общества, а принципиальными оказываются в условиях глобального преобразования его культурной парадигмы.

Подобные «революционные» преобразования представлений о времени в сознании восточных славян хорошо показывает «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Это произведение было написано священником церкви Спаса в селе Берестове близ Киева. По воспоминаниям современников, он был «муж благ, и книжник, и постник». Важно также, что он был «русином» — то есть не претерпел непосредственного влияния византийской идеологии. В связи с этим идейной самобытностью отмечено и «Слово». Оно представляет собой, по сути, праздничную пасхальную проповедь, которая, как установили исследователи, была произнесена Иларионом 26 марта 1049 года: именно в этом году праздник Пасхи совпал с праздником Благовещения.

Структурно «Слово» включает несколько частей. Первая — введение, в котором Иларион формулирует основную тему своей проповеди. Вторая часть — собственно анализ современной Илариону эпохи. Фактически таким путем он осуществил философский анализ исторического времени с позиций философии христианства, пришедшей на смену циклическим представлениям о времени, характерным для языческой картины мира.

И самая яркая особенность времени, по Илариону, — членение на три эпохи, которое вытекает из всей библейской идеологии. Первая эпоха — Ветхозаветного Закона, данного народу Израиля. О ней Иларион пишет так: *Прежде Закон, потом она, Благодать. Прежде лишь тень, потом — истина* (33)⁷. Вторая эпоха — историческое настоящее, связанное с расцветом христианской веры; с метафизической точки зрения это эпоха Истины и Благодати, начало которой было положено приходом Христа, — ср.: *И когда век тот* (Иларион имеет в виду время Закона. — Г. Б.) *к концу приближался, посетил Господь род человеческий и сошел с небес, в утробу Девы входя* (37). Это настоящее ценно для Илариона в силу того, что в нем и только в нем человек готовит себя к жизни вечной. Он пишет: *По всей земле роса: по всей земле вера простерлась, дождь благодатный оросил купель Воскресения, чтоб сынов своих в нетление облачить* (47).

Отмеченные характеристики настоящего заставляют сделать вывод о том, что только оно является спасительным для человечества. Именно в таком настоящем человек получает возможность

нравственной работы над собой, которая обеспечит ему обретение жизни вечной в будущем.

И третье хронологическое состояние, которое имеет в виду Иларион, — «век будущий, жизнь нетленная». Это время и бытие, которые Новый Завет обещает праведным людям после Страшного Суда.

Все три эпохи в представлении Илариона связаны между собой: первая подготовила вторую, а вторая выступает основанием и предпосылкой для третьей. По этому поводу в «Слове» говорится так:

Ибо Закон предтечей стал и слугой Благодати и Истине, Истина же и Благодать — слуга веку будущему, жизни нетленной. Как Закон производил подзаконных к благодетельному крещению, так крещение сынов своих впускает в вечную жизнь (33).

Отмеченные представления о времени полагаются в основу дальнейших концептуальных систем, относящихся к новым представлениям о времени в «Слове о Законе и Благодати». Прежде всего, в нем отчетливо противопоставляются «настоящее» и «будущее». Настоящее — это время земного существования человека, а будущее — евангельское время существования человека после Страшного Суда и возможного вхождения в жизнь вечную. Ср.:

Ведь Моисей и пророки о Христовом пришествии поведали, а Христос и апостолы Его — о Воскресении и о будущем веке; и Христова Благодать всю землю объяла, как вода морская покрыла ее (45).

В связи с этим особую важность в «Слове» обретают концепты «прежде» и «потом». «Прежде» — это эпоха Закона, «ветхих» оснований человеческого бытия, противопоставленных Истине. Ср.:

Вынес и Моисей с Синайской горы, Закон, а не Благодать, тень, а не Истину (35—37).

«Потом», в представлении Илариона, описано лишь намеками, потому что он сам не знает сути жизни вечной. В этом отношении «будущее» имеет у Илариона те же признаки, что дает новозаветная философия. В частности, оно заведомо обладает свойством особой вечности и неизменности (по сравнению с ним обычное историческое время изменчиво в своей событийности и конечно — его конец отмечен Страшным Судом, это и есть конец света). Кроме того, будущее «нетленно» в плане наполняющих его реалий, и особенно людей — они в таком будущем станут жить вечно.

Данный тезис Илариона определяет программу и смысл человеческой жизни. Христианин живет, имея в виду единственную цель — сохранение праведности и предуготовления себя к вечной жизни после Страшного Суда. Выходя же на теоретический уровень обобщения представленных фактов, можно сказать, что историческое время в сознании восточных

славян XI века и собственно в сознании митрополита Илариона мыслилось прежде всего линейно и на основе метонимического принципа. Базой для осмысления временного континуума служили глобальные события эпохи, как они начали представляться в связи с распространением христианской идеологии на Руси.

Спустя восемь веков в картине мира носителей языка, определяемого уже как современный русский, произошли изменения, не менее радикальные в мирозерцательном отношении и поэтому самым серьезным образом повлиявшие на осмысление человеком времени и его характеристик. Эти изменения, вне всякого сомнения, были связаны с преобразованием всей жизни эпохи, обусловленным фундаментальными научными открытиями и развитием техники, освоением европейцами новых территорий и знакомством их с иными культурами, появлением новых транспортных средств и общим ускорением ритма общественной жизни. Время в этих условиях стало реально осознаваться человеком как один из параметров его личного бытия, который оказывает на него самое непосредственное влияние, от которого в значительной мере зависит человеческое существование и в котором оно, собственно, разворачивается.

«Былое и думы» — произведение, особое именно в плане связи с категорией времени и тем, как русский человек время мыслит. Сам А. И. Герцен в предисловии к нему писал, подчеркивая его особую темпоральную «заряженность» и связь с разными аспектами темпоральной категориальности: «... «Былое и думы» не были писаны подряд; между иными главами лежат целые годы. Оттого на всем остался оттенок своего времени и разных настроений». Все это делает «Былое и думы», с одной стороны, портретом своей эпохи — своего времени — в событийном аспекте, а с другой — возводит эту авторскую исповедь в ранг уникального источника, содержащего разнообразные и яркие языковые указания на то, как время стало мыслиться образованными людьми в России в первой трети — середине XIX века.

Метонимические механизмы при осмыслении времени в эту эпоху сохранили свою актуальность — те или иные темпоральные отрезки по-прежнему продолжали мыслиться на основе наполняющих их событий. Однако конкретные представления о времени в сознании носителей русского языка приобрели принципиально иной вид, что не могло не отразиться в языке. Так, возможными стали конструкции с анафорическими местоимениями *этот, тот, то*. Одни события стали устойчиво мыслиться как темпоральные ориентиры других событий — ср.:

В длинных разговорах того времени одна вещь удивила меня — и я ее исследовал несколько раз и всякий раз убеждался, что я прав (706).

Правда того времени так, как она тогда понималась, без искусственной перспективы, которую дает даль, без охлаждения временем, без исправленного освещения лучами, проходящими через ряды других событий, сохранилась в записной книге того времени (419).

Живо представилось мне то время, со всеми мельчайшими подробностями... (727).

Иногда вспоминаю вас, всегда с любовью; у меня есть несколько писем того времени, некоторые из них мне ужасно дороги, и я люблю их перечитывать (254).

...Меня выслали из Парижа — и почти в то же время выслали и Эмму (708)

Такой же характер имеют генетивные сочетания со словом *время* (*время* + N_2). В них мысль о времени выражается посредством прямого указания на «заполняющее» его событие. Ср.:

Это было вообще время всяческих воскрешений и восстановления, время всевозможных Лазарей... (456).

Во время ее отсутствия мы переехали в другой дом, также на берегу моря, в предместье С.-Елен (724).

(о 1840 году) Это было самое блестящее время Станкевичева круга (371).

Это время должно было быть временем глубокого искусства, покоя и свободы от внешних влияний (717).

Наконец, подобную функцию выполняют и придаточные определительные, связанные с главным подчинительным союзами *когда*, *как* (...*время, когда*...). Ср.:

В то время, когда он писал свое письмо ко мне и ряд сумасшедших писем к своей жене, в то самое время он жил на содержании старрой, покинутой любовницы Людвига-Наполеона, разгульной женщины, известной всему Цюриху (732).

Случилось это так: в то время, как меня отправляли в Пермь, Зонненберг собирался на ирбитскую ярмарку (292).

Кроме того, указания на время стали использоваться как метонимические номинации событий. В частности, А. И. Герцен часто называет даты, а имеет в виду события, которые с ними связаны. Ср.:

Сосланные по четырнадцатому декабря пользовались огромным уважением (217).

Можно ли было найти лучшее место для храма в память 1812 года как дальнейшую точку, до которой достигнул неприятель (246).

Отчего 14 декабря было именно на этой площади, отчего именно с пьедестала этой площади раздался первый крик русского освобождения, зачем каре жалось к Петру I — награда ли это ему?.. Или наказание? Четырнадцатое декабря 1825 года было следствием дела, прерванного двадцать восьмого января 1725 года (когда умер Петр I) (378).

Точно так же Герцен может называть место, а метонимически иметь в виду время. Ср.:

В ссылке я потерял надежду на скорое путешествие, знал, как трудно будет получить дозволение... (315).

При этом получило распространение и обратное: события стали мыслиться как метонимические указания на те или иные темпоральные ориентиры, от которых начинает исчисляться некоторый временной отрезок. Так, А. И. Герцен часто называет события, а имеет в виду следующее за ними время. Ср.:

После падения Франции я не раз встречал людей этого рода, людей, разлагаемых потребностью политической деятельности и не имеющих возможности найтись в четырех стенах кабинета или в семейной жизни (151).

Со всем тем княгиня, в сущности, после смерти мужа и дочерей скучала и бывала рада, когда старая француженка, бывшая гувернанткой при ее дочерях, приезжала к ней погостить недели на две или когда ее племянница из Корчевы навещала ее (277—278).

После бала и угощения заседатель подходит к одной из значительных дам и предлагает высочайше обглоданную косточку, дама в восхищенье. Потом он отправляется к другой, потом к третьей — все в восторге (259).

Вследствие расширения действия метонимического принципа в современном русском языке время получило различные оценочные характеристики — оно стало мыслиться как *тяжелое, трудное, легкое, мрачное, радостное, светлое, последнее, давнее, тяжелое, другое* и т. п.

Время под конец нашей жизни в Новгороде было тревожно — я досадовал на ссылку и со дня на день ждал в каком-то раздражении решения ехать в Москву (422).

Ни вас, друзья мои, ни того ясного, славного времени я не дам в обиду; я об этом вспоминаю более чем с любовью, — чуть ли не с завистью (438).

В 1835 году сослали нас; через пять лет мы возвратились, закаленные испытанным. Юношеские мечты сделались невозвратным решением совершеннолетних. Это было самое блестящее время Станкевича круга. Его самого я уже не застал, — он был в Германии; но именно тогда статьи Белинского начинали обращать на себя внимание всех (371).

В это-то напряженное, тяжелое время испытаний является в нашем кругу личность, внесшая собою иной ряд несчастий, сгубивший в частном быте еще большие, чем черные июньские дни в общем (689).

В обыкновенное время я быстро знаколюсь и туго сближаюсь с людьми, но время-то тогда, скажу еще раз, не было обыкновенное (689).

Это было самое серое, подавляющее время, грубая реакция торжествовала везде (771).

Расширение действия метонимического принципа в русском языке середины XIX века проявилось, наконец, в особом употреблении формы множественного числа *времени*. Фактически таким путем стала называться совокупность событий, которые наполняют некоторый хронологический континуум.

Человечество не видало ничего подобного со времен Константина, когда свободные римляне, чтобы спастись от общественной тяги, просились в рабство (472).

Вообще в Москве жизнь больше деревенская, чем городская, только господские дома близко друг от друга. В ней не приходит все к одному знаменателю, а живут себе образцы разных времен, образований, слоев, широт и долгот русских (474).

Мы Европу все еще знаем задним числом; нам всем мерещатся те времена, когда Вольтер царил над парижскими салонами и на споры Дидро звали как на стерлядь... (475).

Тюрьма и ссылка в молодых летах, во времена душного и серого гонения, чрезвычайно благотворны... (481).

Однако в середине XIX века особое распространение получили и новые метафорические модели времени. В частности, тексты А. И. Герцена показывают, что время начинает все более отчетливо мыслиться как ресурс, которым человек располагает лично в связи с продолжительностью его собственной жизни.

На основе этой общей образной матрицы в языковом сознании носителей русского языка сложился ряд частных метафор, показывающих отношение ко времени как к ресурсу. В частности, его можно иметь (причем количество такого ресурса у разных людей разное). Его может быть много или мало в каждом конкретном случае. Его можно тратить на что-то, его можно кому-то дать (но в этом случае субъект, «дающий время» кому-либо на что-либо, выступает в роли своеобразного демиурга, наблюдающего за тем, как оно используется). Человек может терять

время, если он расходует его непродуктивно, но он может и красть его у других, если он мешает их продуктивной деятельности. В частности, в подобных условиях определяются следующие метафорические модели:

а) модель «иметь время»:

— Граф, — сказал он генералу, — искренно жалеет, что не имеет времени принять ваше превосходительство (390);

б) модель «много / мало времени»:

Но я тороплюсь вперед заявить, что если время доказало, что мы могли розно понимать, могли не понимать друг друга и огорчать, то еще больше времени доказало вдвое, что мы не могли ни разойтись, ни сделаться чужими, что на это и самая смерть была бессильна (449).

Он горячо принялся за дело, потратил много времени, переехал для этого в Москву, но при всем своем таланте не мог ничего сделать (488).

в) модель «тратить время»:

Он горячо принялся за дело, потратил много времени, переехал для этого в Москву, но при всем своем таланте не мог ничего сделать (488).

г) модель «дать время»:

Я говорил ему о моей любви и, предвидя его ответ, прибавлял, что я вовсе его не тороплю, что я даю ему время взглядеться, мимолетное это чувство или нет, и прошу его об одном, чтоб он и Сенатор взошли в положение несчастной девушки, чтоб они вспомнили, что они имеют на нее столько же права, сколько и сама княгиня (314).

д) модель «терять время»:

Многие находили в этом большую слабость; да, время уходило, терялось, но приобреталась любовь не только близких людей, но посторонних, слабых; ведь и это стоит чтения и других занятий! (343).

Мы быстро сблизились и видались почти каждый день; ночи сидели мы до рассвета, болтая обо всякой всячине... В эти-то потерянные часы и ими люди срастаются так неразрывно и безвозвратно (449).

Этот темпоральный ресурс может быть использован на добрые или дурные дела, его можно растратить, не осуществив никаких дел и тем самым просто «потеряв» его. Человек, который заставляет кого-либо подобным образом терять время, рассматривается как своеобразный «хроно-

фаг», пожиратель чужого времени. В связи с этим определяется еще одна метафорическая модель:

е) модель «отнимать / красть чужое время»:

Знакомые поглощали у него много времени, он страдал от этого иногда, но дверей своих не запирает, а встречал каждого кроткой улыбкой (343).

Дикие и полные сил побег талантов росли и глохли в неустоявшейся душе его — и от домашних тревог, отнимающих половину времени, и от хватанья за все на свете, от филологии и химии до политической экономики и философии (779).

Важно отметить, что подобные потери времени получили в языке специальные метафорические номинации, но правильное его использование в языковом сознании носителей русского языка не представилось как нечто особенное — не маркировалось.

Другая новая категориальная особенность времени — судя по всему, сложившаяся в середине XIX века и отмечаемая в текстах А. И. Герцена, — представление о том, что время оказывает влияние на мир (изменяет нечто, сближает или разделяет людей и т. д.). Таким образом, во времени стало видеться некое активное начало, действующий субъект — ср.:

Время, как я сказал, изменило многое, личности развились резче, развились розно, и роль доброго, но ворчащего дяди часто была хуже чем смешна... (541)

Считаться нам странно, патентов на понимание нет; время, история, опыт сблизили нас не потому, чтобы они нас перетянули к себе или мы — их, а потому, что и они, и мы ближе к истинному воззрению теперь, чем были тогда, когда беспощадно терзали друг друга в журнальных статьях, хотя и тогда я не помню, чтобы мы сомневались в их горячей любви к России или они — в нашей (490).

Правда того времени так, как она тогда понималась, без искусственной перспективы, которую дает даль, без охлаждения времени, без исправленного освещения лучами, проходящими через ряды других событий, сохранилась в записной книге того времени (419).

Кроме того, время в середине XIX века стало концептуально определяться как эталон, «нулевая отметка» для осмысления порядка определяемых событий. И здесь оно, по сути, метафорически уподобляется пространственным ориентирам. Ср.:

Это было во время болезни моей жены, несколько дней после рождения малютки, который умер (513).

С этого времени Дмитрий Павлович начал заметно толстеть, наружность его выражала еще больше важности; он стал как-то больше говорить в нос, чем прежде, и фрак стал носить как-то пошире, без звезды, но, видимо, предчувствуя ее (509).

Около того же времени я иначе узнал об их успехе между семинаристами. Случай этот мне так дорог, что я не могу не рассказать его (519).

Итак, подведем некоторые итоги.

И прежде всего следует отметить, что если пространственные представления характеризуются как константные (устойчиво мыслятся в рамках модели «окружность-центр-периферия»), то представления о времени отличает значительная подвижность и множественность способов концептуализации. Сопоставительный анализ двух синхронных срезов — древнерусского языка начала XI столетия и современного русского языка в период его становления в середине XIX века — достаточно отчетливо показывает это.

Кроме того, осуществленное исследование еще раз подтвердило положение о том, что осмысление времени осуществляется на основе фундаментальных когнитивных механизмов метонимии и метафоры. Эти механизмы активно взаимодействуют друг с другом, причем важную роль в категориальном оформлении времени в сознании человека играют пространственные представления как более простые и доступные в познавательном отношении.

Серьезные парадигмальные изменения в картине мира носителей древнерусского языка предопределили собой изменения в их представлении о времени. В дохристианский период господствовали циклические представления о природе темпоральности, присущие вообще мифологическому сознанию. С приходом христианства на Русь эта картина изменилась. Время осмыслилось как линейное развитие мира, тем не менее стремящееся к статике — это его состояние после Страшного Суда. Основным механизмом категоризации в этих условиях была метонимия.

В XIX веке данная картина изменилась еще раз. Под влиянием общеевропейских социально-исторических процессов и новых культурных и идейных доминант, привносимых из Европы, в русском языковом сознании стало складываться представление о времени как ресурсе, которым человек обладает по самой своей природе — как живущее во вре-

мени существо. Метафоры, посредством которых это представление оформляется, обнаруживают новый философский взгляд на мир, характерный уже и для нашей современности. А как будет развиваться эта философия дальше — покажет само время.

¹ *Кант И.* Критика чистого разума. М., 1994. С. 50. Впоследствии исследователи пытались критически переосмыслить содержание этого тезиса. Так, по наблюдению Г. Х. фон Вригта, когда человек говорит, что испытывает боль в правой ноге, он соответствующим образом локализует ее в своем внутреннем пространстве (*Вригт Г. Х. фон.* О локализации ментальных состояний // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 16). Однако и в подобных случаях свои внутренние соматические состояния человек связывает с внешними по отношению к себе пространственными ориентирами.

² Показательно, что необходимость понимания категории пространства, основанного на принципе дополнительности, уже отмечалась исследователями. В частности, В. Н. Топоров высказал мысль о том, что таким путем может быть преодолена ущербность каждого из предлагаемых философских решений проблемы пространства (см.: *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Из работ Московского семиотического круга. М., 1997. С. 456—457).

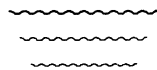
³ *Visk C. D.* A Dictionary of the Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago; London, 1988 (1949). P. 1014—1015.

⁴ *Малявин В. В.* Китайцы // Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. М., 1985. С. 16.

⁵ См.: *Арутюнова Н. Д.* Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 51—61; *Берестнев Г. И.* Языковые подходы к проблеме архетипов коллективного бессознательного // Языкознание: взгляд в будущее. Калининград, 2002. С. 174—183.

⁶ *Visk C. D.* Op. cit. P. 954—955.

⁷ Здесь и далее примеры даются по изданию: *Иларион.* Слово о о Законе и Благодати. М., 1994 (с указанием в скобках номера страницы).

X

Калининград: ландшафты культуры

